

МОЕЙ ДУШЕ ПОКОЯ НЕТ

Народная артистка СССР, актриса театра имени Ленсовета Алиса Бруновна Фрейндлих на концертах в Магнитогорске продемонстрировала отчасти свой богатейший актерский диапазон и была в этом узнаваемой и любимой Алисой Фрейндлих.

Но она прочитала и сложный цикл стихотворений Марины Цветаевой, казалось бы, совсем не в лад подобным концертам-«показам». И нельзя было почувствовать, что она не могла их не читать — именно сейчас, здесь. Она делала то, что созвучно строю ее души, не пытаясь «заигрывать» с публикой.

Для «звезды» это — редность...

— Алиса Бруновна, ощущали ли вы в детстве предопределенность своего жизненного пути?

— В общем-то, да. Атмосфера дома предрасполагала к выбору актерской судьбы. Хотя бывали и «отступления», характерные для детского возраста. Одно время носилась с мечтой стать дирижером (не имея об этом никакого понятия), была мысль стать юристом, астрономом... Но все эти «шаги в сторону» в конце концов только укрепили желание стать актрисой. Началось с домашних кукольных спектаклей в раннем детстве, продолжилось в самостоятельности... Желание выйти на сцену выросло прочно...

— Наверное, люди счастливой судьбы и не пытаются проигрывать ситуацию «что было бы, если...», не представляя свою жизнь, сложившейся иначе... А сейчас хотелось бы задать такой вопрос. Какой из первых спектаклей с вашим участием вам бы хотелось увидеть (представим, что такая возможность есть)?

— Пожалуй, «Светите, звезды». Да, Котя, маленький беспризорник. Ролька была такая симпатичная... Последующие роли в Ленинградском драматическом театре, куда я попала после окончания института (позже он стал носить имя Комиссаржевской) были легковесны, похожи. Между Котькой и Машей, первой моей большой драматической ролью (в спектакле по пьесе Ольги Бергольц «Рождены в Ленинграде») — довольно большой период.

— Труден ли был этот переход от ролей жанрово-бытового репертуара, от театральных девочек и мальчишек к серьезным ролям?

— Дело в том, что «серьезные» роли, «героинь» в чистом виде я никогда не умела да и не могла играть. В театре имени Ленсовета, где я уже больше двадцати лет, мне порой приходилось (по производственной необходимости) брать на себя эту обязанность. Но радости такие работы не приносили ни мне, ни партнерам, ни зрителям.

Нет, я не «героиня»... Мне прежде всего интересна характерность. И лучше, если это срез трагикомедии.

— Какие свои роли, сыгранные в театре имени Ленсовета, вы могли бы с удовольствием вспомнить?

— Миссис Пичем из «Трехгрошовой оперы». Таня из «Тани». Элиза из «Пигмалиона», Гелена из «Варшавской мелодии», Катерина Ивановна из «Преступления и наказания». Малыш из «Малыша и Карлсона, который живет на крыше».

— А есть ли у вас мечта о какой-то определенной большой роли?

— Есть. Всю жизнь мечтаю сыграть булгаковскую Маргариту.

— Алиса Бруновна, насколько вы восприимчивы к тому, что мы называем словом «быт», «житейские неурядицы» в день спектакля?

— По-разному бывает... Вообще-то, жизненные впечатления — основа работы актера. А помехи... За годы работы в театре организм перестраивается. Каким образом? Если эмоции хоть в чем-то соответствуют вечернему спектаклю, то порой организм обращает их на пользу дела. Если не соответствуют, то отторгает (создается определенная защитная система)... Бывает и такое, правда, что не защититься — если случается (не дай бог), чрезвычайное...

— Если не ошибаюсь, ни одному режиссеру в кино не удалось поработать с вами хотя бы два раза...

— Почему же, есть такой режиссер. Элем Климов. Я у него снялась в «Похождении зубного врача» и в «Агонии». Картина «Похождения зубного врача» (кстати, в ней впервые в большой роли снялся Андрей Мягков, а я играла «сопутствующую персонажа», Машу) вышла на экран в 1965 году и прошла незамеченной. Сейчас ее пустили «малым» экраном, и вдруг «вся Москва» ринулась... Оказалось, фильм со временем не утратил, а приобрел что-то...

— Как вы относитесь к неудачным кинопробам?

— Это бывало вдвойне обидно — ведь если я соглашалась пробоваться, то, значит, хотела сыграть эту роль. Еще обиднее, когда уже после утверждения сниматься не удавалось. Так случилось, например, с ролью генеральши в «Неоконченной пьесе для механического пианино». Не отпустили в театр. Вообще, театр порушил такие возможности...

— Интересно, чье мнение после выхода фильма на экран вам особенно дорого?

— Очень остро воспринимаю мнение коллег. А мнение зрителей... Небольшая роль в «Сталкере» Андрея Тарковского, фильме сложном, не вызвала зрительской реакции. Но оценка коллег в какой-то мере компенсировала зрительское равнодушие. «Служебный роман», напротив, имел удивительный успех у широкой публики, каждый день мне приносили пачку писем. Почта в какой-то степени — мерило зрительского интереса, по ней о многом можно судить. Правда, отвечать на все письма я не имею возможности. Да и не нужно этого в подавляющем большинстве случаев (за исключением очень редких писем, на которые нельзя не ответить). Молодые девочки, зачем-то пишут актрисе Алисе Фрейндлих...

— Один актер остроумно заметил: зачем писать незнакомым людям, если в наш век умирания эпистолярного жанра не часто пишут письма родным и друзьям...

— Вот именно. К тому же зрители вполне могут удовлетворить свой интерес, получить ответы на свои вопросы, прочитав интервью или творческий портрет — для этого нужно зайти в библиотеку...

— Как вы воспринимаете повышенное внимание к вам, вообще к людям вашей профессии?

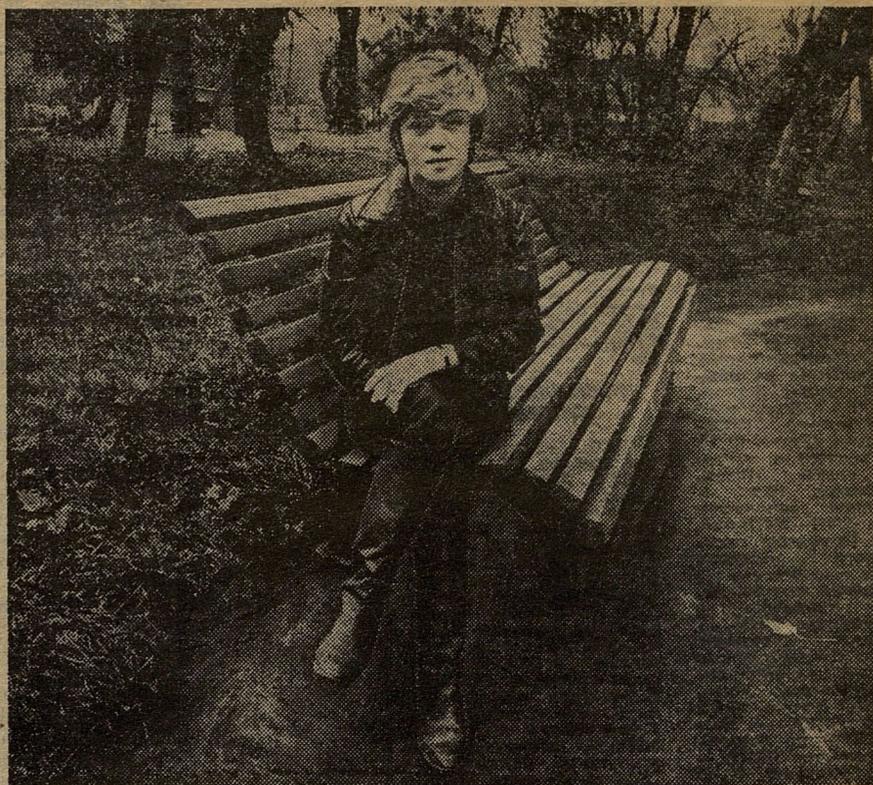
— Это естественное желание человека сопоставить персонаж и личность. Порой и себя ловлю на этом — встречаясь в обстоятельствах житейских с актером или актрисой, сыгравшим интересную роль, тоже невольно сопоставляю, насколько они «соответствуют» своим героям. Конечно, это мое любопытство не выходит из определенных рамок...

— Алиса Бруновна, а может ли отразиться на работе тот факт, что приходится играть с актером (или актрисой), чьи человеческие качества вам антипатичны?

— Сложный вопрос... Если это близкое партнерство, дело режиссера подобрать исполнителей, подходящих друг другу не только по актерским данным, но и по человеческим качествам. Совпадение по «группе крови» только сработает на театр. И наоборот.

— У вас очень много «музыкальных» ролей. И сегодня на концерте вы замечательно спели несколько песен из своих спектаклей...

— Но лучше, если песни звучат в спектакле. Они определяют характером персонажа, за ними стоит что-то... У меня был уже печальный опыт, когда композиторы просили исполнить какую-то новую песню, записать ее на радио,

на телевидении... Не было наполненности, получалось «абстрактно». Теперь этого не делаю.

— Но и композиторов тоже можно понять — прекрасный голос в сочетании с прекрасными актерскими данными...

— Люди, которые слышали меня в годы юности, говорят, что теперь у меня совершенно другой голос. Да и сама я это знаю. У меня было меццо-сопрано (причем, по оценке специалистов, с каким-то необычным оттенком). После окончания школы приглашали даже в консерваторию (тут мы возвращаемся к началу нашего разговора о возможных поворотах в судьбе). Правда, нужно было до этого поучиться два года на специальных курсах. Но я рванулась на сцену, мне не терпелось играть, и консерватория забылась. После окончания института в театре долгое время играла роли, где петь не было необходимости. А вот в «Трехгрошовой опере» миссис Пичем, стареющая алкоголичка, опустившийся человек, должна петь. И не могла же она петь меццо-сопрано!

Тогда я стала ломать свой голос, перестраивать его, осваивать нижний грудной регистр. Стала сама себе инквизитором и справилась с этим успешно — потеряла верха, свое меццо-сопрано. Все — ради театра, драматического

театра, где для пения нужны совсем другие оттенки.

— Вы никогда не думали о переходе в другой театр?

— Другой театр... В любой не могла бы перейти. Но представляю два, очень разных, имеющих свои сложности, свои спады, и в то же время очень родственных по духу театра, в которых могла бы работать. Это Большой драматический театр имени Горького и «Современник».

Вот сейчас я и собираюсь уходить в БДТ.

— Смелый шаг...

— Нужно обновление. Нужна «пересадка». Понимаю, что многое придется начать сначала. Но это и заманчиво — испытать себя в новом качестве.

В какой-то момент понимаешь: это необходимо.

...Мы заговорились. Раздался звонок, недопитой осталась чашечка кофе. Нужно было успеть поправить грим — и на сцену. В зрительном зале ждали уже Алису Фрейндлих, любимицу публики, звезду...

Хорошее все-таки название у этого старого и любимого Алисой Фрейндлих спектакля — «Светите, звезды».

Она одна из тех звезд, которые светят ярко.

Беседу вел В. МОЗГОВОЙ.
Фото В. Намятова.

Комсомолец
г. Челябинск

12 9 СЕН 1983

110